

ВИРТУАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В СЕМЬЕ (СЛУЧАЙ С НИНОЙ)

С.АСАДУЛЛИНА *

В статье описывается попытка применения виртуального подхода к анализу внутрисемейного конфликта, рассматриваются возможности использования категориального аппарата виртуалистики и “артеи” (практической виртуалистики) для анализа не только причин возникающих в семейных отношениях психологических проблем, но также и для психотерапии семьи.

Размышляя над природой механизмов, которые “запускают” типичные конфликты в типичной российской семье, мы обратились к виртуальному подходу, разработанному отечественным психологом, доктором психологических наук, профессором Н.А.Носовым. Виртуалистика, утверждает Н.А.Носов, – это не философия и даже не наука, а, скорее, тип мировоззрения. В ее основе лежит идея виртуального существования, или *виртуальной реальности*, которая наделяется собственным онтологическим статусом. Виртуалистика обеспечивает философскую концептуализацию виртуальности, а также позволяет сделать ее предметом научных исследований и практических преобразований.

Предмет *виртуальной психологии* – психологические виртуальные реальности. Базовая философская идея, на которой строится виртуальная парадигма в целом и психология в частности, – признание *полионтичности*, то есть существования множества онтологически не зависимых, не сводимых друг к другу реальностей, каждая из которых обладает своим временем, пространством и законами существования (Носов, 2000а).

В виртуалистике полагается существование двух типов реальности: виртуальной и константной. И та, и другая – одинаково подлинны. *Виртуальная* реальность может быть физической, психической, социальной, биологической, технической и пр. Но какое бы обличье она ни принимала, эта реальность несет в себе четыре основных свойства: порожденность, актуальность, автономность и интерактивность. *Порожденность* означает, что виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней; *актуальность* – что она существует актуально, только “здесь и теперь” и лишь до тех пор, пока активна

* Светлана Халиулловна Асадуллина – канд. психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии СГПИ (Башкортостан, г. Стерлитамак). Статья написана в период сотрудничества автора с основателем виртуального подхода в психологии Н.А.Носовым (Центр виртуалистики Института Человека РАН).

порождающая реальность; *автономность* указывает на то, что в виртуальной реальности есть свое время, пространство и собственные законы существования, и, наконец, *интерактивность* говорит, что она может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически от них не зависящая. В отличие от виртуальной, порождающая реальность называется *константной*. Это привычная реальность, в которой происходит привычный ряд событий, переживаемый человеком обычным образом. “Виртуальность” и “константность”, образуя категориальную оппозицию, являются философскими категориями.

На основе высказанных положений мы разрабатываем идею *полиреальности*, присущей человеческой природе: жизнь может протекать одновременно во множестве реальностей, и человек обладает способностью как породить их, так и “свертывать”. Именно полиреальность и создает условия для возникновения *виртуального конфликта*, главная особенность которого заключается в том, что породивший его источник находится не в той реальности, где сам конфликт открыто заявляет о себе. Отсюда следует, что образовавшаяся драматическая ситуация, заставляющая страдать всех, кто в нее так или иначе включен, не может быть разрешена за счет средств, которые принадлежат той реальности, где непосредственно разыгрывается драма... Более того, нередко бывает и так: чем больше усилий прилагается для разрешения конфликта в данных обстоятельствах, тем он становится только сильнее. Вместе с тем, наряду с виртуальным в действие могут вступать другие конфликты, источники которых находятся в той же реальности, что и сам конфликт (конфликты подобного рода относятся к константным) (Носов, 2002, с.8).

Мы считаем плодотворным применение идей виртуального подхода к анализу конфликтов не только в рамках внутреннего мира человека, но и в сфере образования, и особенно в семье, где чаще всего имеют место конфликты, подлинный источник которых находится в одной реальности, а проявления – в другой.

Разрешение виртуальных конфликтов требует особого типа практики – *аретеи*, или практической виртуалистики. Специфика аретеи, по мысли автора подхода, определяется двумя факторами: она основывается на виртуальных, т.е. полионтичных моделях, включающих в себя минимум две онтологические реальности, и на определенной философии. “С точки зрения виртуалистики, все другие мировоззрения (философии, науки, практики и т.п.) имеют дело исключительно с константной реальностью” (Носов, 2002, с.95). А говорить о возможности действительно эффективного разрешения виртуальных конфликтов при подходе к ним с позиций константной реальности не приходится.

Задачи теоретической разработки идей, посвященных истории возникновения внутрисемейного виртуального конфликта, уведут нас в далекие

пласты истории. Мы полагаем, что в филогенезе, начиная с конца эпохи первобытности, начался, продолжаясь и поныне, очень непростой процесс. Характерная для первобытной эпохи слитность людей в племя или род, с общими для всех реальностями, сменяется отделением индивида от рода и формированием совокупности индивидуальных реальностей, носителем которых становится каждый человек в отдельности. Процесс этот по-своему достаточно сложен, ибо формирование совокупности индивидуальных реальностей, которыми начинает обладать каждый человек по отдельности, взамен общей для всего рода совокупности реальностей, означает конец рода. Кризис семьи и брака, приметы которого неуклонно нарастают в России, означает, прежде всего, кризис родовой семьи, чьи законы существования отвергаются большинством наших современников. Виртуальный подход позволяет исследовать данное противоречие – между интересами рода, представленными, как можно думать, типичной российской трехпоколенной семьей, и интересами нуклеарной семьи, чья жизнь строится уже совсем на иных принципах.

Познакомим читателя с еще одним понятием, порожденным виртуалистикой: *собь* (древнерусского, церковно-славянского происхождения: *собь*, *собьство* – собственность, своеобразие, свойство, сущность – цит. по *Этимологическому словарю М.Фасмера*). По определению автора подхода, “*собь* – виртуальная реальность, посредством которой человек на разных этапах онтогенеза самоидентифицируется” (Носов, 2000а, с.422). Образуется она совокупностью имеющихся у человека виртуалов, ставших стабильными и потому не переживаемых как *особые* реалии. Семья, разумеется, тоже имеет *собь*, которая проходит определенный путь развития. Полноценная *собь* семьи имеет все те реальности, что к моменту взрослости возникают и у самого человека. Здесь, вероятно, уместно упомянуть, что Н.А.Носов и Т.В.Носова, исследуя генезис виртуальных реальностей в онтогенезе, пришли к выводу, что они возникают в определенной последовательности: телесности, сознания, личности, воли и внутреннего человека*. Мы предполагаем, что в генезисе семьи в той же последовательности возникают (или не возникают) реальности супругов. В последнем случае, когда таковые не возникают, в семье и создаются условия для виртуального конфликта.

Феноменологическое описание

* Каждая из этих реальностей, в совокупности образующих *собь* человека, имеет определение: телесности – способ самоиндивидуации, дающий человеку возможность отделять свое тело от других материальных объектов; сознания – способ самоиндивидуации, благодаря которому человек получает возможность отделять свою психику – мысли, чувства, переживания – от психики другого человека, личности – возможность выделять себя (и свою позицию) посредством против- или сопоставления с позицией другого человека; воли – способ самоиндивидуации, дающий человеку возможность делать объектом управления самого себя в целом и осуществлять управление своей жизнью; и, наконец, виртуальная реальность человека – способ самоиндивидуации, дающий человеку возможность сопоставления себя со всем остальным миром (Носов, 2000б, с.18).

Завуч одной из средних школ попросила меня провести для учителей занятия по практической психологии с целью повышения их психологической подготовки. Она предоставила мне свободу в выборе программы и формы занятий. Я подготовила для учителей семинар с элементами психотренинга, ориентированного на личностный рост участников семинара. Мой выбор был обусловлен противоречием между требованиями практики работы учителя и отсутствием должной подготовки учителей в плане практической психологии.

Психотренер должен быть готов к тому, что выполнение даже простого упражнения по практической психологии участниками семинара может привести к необходимости индивидуальной психотерапии. Эта вероятность обусловлена тем, что выполнение упражнения может актуализировать психологическую проблему кого-либо из участников. Завуч предупредила меня, что в жизни одной из учительниц недавно произошла трагедия – внезапная насильственная смерть мужа. Она попросила меня быть внимательнее к ней, так как трагедия этой молодой учительницы усугубляется сложными семейными обстоятельствами: вместе с двухлетней дочкой она, без прописки, “на птичьих правах”, живет у свекрови. Свекровь же относится к ней крайне негативно, обвиняя невестку в смерти своего сына. У Нины (имя учительницы изменено) родных нет, помочь ей некому.

После занятий Нина подошла ко мне с просьбой о психологической помощи. Беседа с Ниной позволила реконструировать особенности ее жизни с мужем, ныне уже покойным.

По мнению Нины, после внезапной смерти мужа жизнь ее полностью зашла в тупик, и самой ей не справиться с павшими на ее плечи проблемами. Жить ей, кроме как на квартире у свекрови, негде, та относится к ней крайне враждебно, обвиняет Нину в смерти своего сына, угрожает выгнать из дома.

Нина пережила все первые фазы горя: шок от насильственной смерти мужа, отрицание (“Не может быть!”), осознание потери, печаль утраты. Ко времени нашей беседы Нина уже вернулась к работе. У нее поблекший вид, монотонный голос, на лице – застывшая маска. Ведет она себя очень сдержанно, не выказывая бурных признаков горя. Основная проблема состоит в том, что, приняв и оплакав смерть мужа, Нина не может перейти к планированию будущей жизни, уже без мужа. Свое положение она считает абсолютно безвыходным. Каждый день после работы она продолжает возвращаться в квартиру свекрови, к тягостным отношениям с ней, в постоянном ожидании того, что в любой день ей может быть предложено “освободить жилую площадь”. Свекровь не проявляет привязанности даже к своей единственной внучке – дочери ее погибшего сына.

Эти особенности, на наш взгляд, весьма характерны для многих российских семей. Данная точка зрения находит подтверждение в том психологическом анализе типичной российской семьи, который дается известным

детским и семейным психотерапевтом А.Варгой. В качестве основной особенности многих наших семей она отмечает именно ее трехпоколенную структуру, а значит, тесную материальную и моральную зависимость членов семьи друг от друга. К тому же, в такой семье спутаны и слитны семейные роли: каждый функционально может быть каждым и в то же время никем. Бабушка может стать функциональной матерью своему внуку, “...муж и жена делят постель, связаны интимными отношениями, но могут быть при этом не связаны отношениями заботы и близости, потому что муж духовно и эмоционально ближе к своей матери. Он, прежде всего, заботится об ее интересах. Функционально этот мужчина – муж своей матери и любовник своей жены. Семья живет в основном на деньги мужа, но семейный бюджет распределяет та же бабушка, так что функционально она – глава семьи, индивидуальность и суверенность практически отсутствуют...” (Варга, 2000, с.12). Автор отмечает, что молодое поколение связано с предшествующим гораздо теснее и жестче, чем на Западе, что каждый член семьи находится в ежедневном контакте с большим количеством близких людей, и одновременно выполняет много социальных ролей, часто плохо стыкующихся друг с другом. Таким образом, создаются большие трудности в формировании собственно супружеских ролей у молодоженов.

Рассмотрим под этим углом зрения ситуацию Нины.

Молодая семья проживала вместе с матерью мужа, на ее квартире. Свекровь – властная женщина; все вопросы своей семейной жизни муж Нины решал только вместе с матерью. Нине оставалось лишь принимать их решения к действию и выполнять. Нина была отчуждена от своей роли как жены, во многих ее составляющих. Муж Нины эмоционально и духовно был чрезвычайно близок с матерью, и в первую очередь соблюдал ее интересы. Нину такое положение дел не устраивало: брак, вроде бы, и есть, и в то же время брака нет. Муж Нины любил семью и разрывался между матерью, женой и дочкой. Решение проблемы упиралось в отсутствие собственного жилья. Пытаясь заработать деньги на покупку квартиры, муж Нины погиб.

Думая над тем, как помочь Нине, я прибегла к метафоре. Процедура оказания психологической помощи включала момент формирования образа нынешнего психологического состояния клиентки. Я предложила Нине представить ее нынешнее состояние в виде комнаты. Через некоторое время она сказала, что ее нынешняя жизнь похожа на тесную комнату, забитую старой, поломанной мебелью. Нина довольно подробно описала эту комнату – символ ее жизни: оборванные пыльные обои, грязные окна, затхлый нежилой запах, тусклое освещение.

– Тебе нравится такая комната?

– Нет, конечно. Но я ничего не могу сделать.

– Почему?

– У меня не хватит сил. Мебель старая, тяжелая. Двери и окна узкие. Я не смогу одна это поднять и вынести.

– Почему одна?

– (Подумав.) Может, попросить грузчиков с машиной... Они бы смогли как-нибудь все это вынести и увезти.

– И что дальше?

– Я приглашу грузчиков с машиной, чтобы они вывезли это все на свалку. А потом я помою тут все, и окна. Оклею веселыми желтыми обоями. Я поставлю легкую красивую мебель. Стены украшу картинами.

– Как теперь?

– Теперь так, как я хочу.

Пока Нина описывала изменения в комнате, с нею самой произошли заметные изменения: лицо стало живее, выразительнее, исчезла застывшая маска.

Она начала говорить быстрее. Даже голос стал немного выше по тону. Судя по ее поведению и словам, Нина увидела для себя какой-то выход из сложившейся ситуации, возможность будущей хорошей жизни. Однако любопытен следующий факт: образованная, сдержанная Нина возмутилась фактом успешной психологической помощи. Она сказала: “Как же так? Человек мучается, долго страдает. Месяцами. А Вы изменяете это состояние за 15 минут. Ну, это – какие-то фокусы, даже кощунство какое-то!”. Я не отказывалась встретиться еще раз, столько, сколько она сочтет нужным. Тем не менее, следующая наша встреча произошла совершенно случайно. И вот тогда Нина, неожиданно для меня, поблагодарила за оказанную психологическую поддержку.

Она выглядела цветущей, веселой. Молодая, привлекательная женщина... Грешным делом, подумалось, не началась ли новая пора в ее личной жизни?

– А как отношения со свекровью?

– Прекрасные. Мы с ней теперь – подружки.

– Как так?

– Нам ведь теперь некого делить.

Подобное завершение ситуации может вызвать недоумение. Нина утратила роль супруги, теперь она могла разорвать тягостные для нее с давних времен отношения. Зачем ей жить со свекровью, уже бывшей? Что связывает ее с этой женщиной? И почему она так странно охарактеризовала свои отношения со свекровью, будто та – соперница в борьбе за мужчину?

Теоретический анализ ситуации – виртуальный подход

Вступая в брак, человек должен выработать, сконструировать, построить для себя новые реальности – телесности, сознания, личности, воли – себя как супруга или супруги. Такая же работа заново предстоит, когда у суп-

ругов рождается ребенок и требуется выстроить все эти реальности уже как отца или матери. Возможно, сама семья как таковая тоже имеет свою “собь”, где реальность телесности, например, составят связанные интимными супружескими отношениями муж и жена, позже в нее войдут родившиеся у них дети.

Виртуальный подход к анализу семейной ситуации Нины, реконструированной по ее рассказам, позволяет сделать вывод, что с самого начала она страдала от аномии реальностей в супружеской жизни, т.е. несогласованности их между собой, нарушения их нормального развития. Нину соединяли с мужем интимные супружеские отношения. У них родилась дочь. И сфера телесности стала служить для нее единственной реальностью, связывающей не только с мужем, но, увы, и с дочерью. Что касается всего остального, – реальностей сознания, личности, воли, – то они были узурпированы свекровью. У Нины брак, вроде бы, и был, и *не* был, если во внимание принимать всю эту отчужденную у нее полноту отношений. Нина не чувствовала себя полноценной супругой, поскольку в своей собственной семье, во всех самых существенных сторонах ее жизни, исключая сферу интимных супружеских отношений, она занимала подчиненное положение, едва ли не наравне со своей маленькой дочкой. Она должна была *слушаться* мужа и, главное, его мать. Реальность воли в данной семье полностью воплощала свекровь.

Определенный изъян понимания данной ситуации на основе *моноонтической* парадигмы видится нам в том, что все тайные перекосы, присущие этой семье, сводятся в данном случае только к несовпадению социальных и функциональных ролей каждого члена семьи, к ролевой “спутанности”, “слитности”, что не может не ограничивать и горизонта возможных внутрисемейных изменений.

Индивидуальная собь человека в филогенезе – более позднее образование, чем собь групповая. Трехпоколенная семья в России несет в себе остатки родовой организации со всей ее атрибутикой: доминированием “соби” группы; жесткой иерархией, в результате которой реальность воли принадлежит только главе рода и старейшинам; ограничением и препятствиями на пути становления “соби” индивидуальной; отчуждением реальностей индивидов как условием существования рода и пр.

Однако основная причина сохранения такого положения в современной российской семье скрывается не только в ее трех-, а то и четырехпоколенной структуре, даже вовсе не в ней, а в несформированности “соби” каждого из членов семьи. Так, в трехпоколенной семье от молодых супругов в первую очередь отчуждалась, и по-прежнему отчуждается, реальность воли. Кто-то из старших фактически принимает на себя роль главы рода. Молодым супругам отводится роль детей, – недаром каждый из них должен

называть родителей жены или мужа не по имени-отчеству, а “папа” и “мама”.

Таким образом, по видимости семейный конфликт, переживаемый Ниной, протекал на уровне межличностных отношений, то есть в реальности личности. Но нет таких средств психотерапии, с помощью которых можно было бы разрешить этот конфликт, оставаясь сугубо в рамках межличностных отношений, ибо подлинная его причина лежит уровнем выше. У Нины отчуждена не столько социальная роль жены (она, вроде бы, и не отчуждена, нет доказательств этого, явных для других). Отчуждены *все* ее реальности как жены. Все, кроме телесной, поскольку во всех этих реальностях – сознания, личности, воли (и прежде всего воли!) – поселилась свекровь, самореализуясь в них в роли “супруги”, заново переживая отношения с сыном и получая от них ощущение полной жизни.

Вся скрытая глубина внутрисемейного конфликта не могла не сказаться и на отношениях Нины с дочкой. Та видела, что все самые главные вопросы в жизни семьи решают бабушка и папа, с мамой никто не считается. В определенной мере и дочка воспринимала Нину не как мать, а скорее, по крайней мере, в некоторых аспектах, – как “ровню”. Одна разница – в отличие от дочки Нина была нелюбимым ребенком в семье. Однако на уровне телесности Нину в качестве ребенка ни муж, ни ее свекровь уж точно не воспринимали. Невольно задаешься вопросом, как все-таки могла возникнуть такая аномия реальностей в семье.

Скорее всего, свекровь Нины в молодости также не имела опыта супружеской жизни, который сделал бы возможной ее самоиндивидуацию в качестве жены в полноте всех реалей, стоящих за этим понятием. Возможно, и в ее судьбе имела место узурпация ее супружеских реальностей со стороны свекрови, старшей женщины в семье.

Если бы Нина обратилась за помощью раньше, когда был жив ее муж, цель аретей (практической виртуалистики) состояла бы в *синомии*^{*}, то есть в попытке привести все ее реальности как супруги в соответствие друг с другом, конкретнее – в задаче возвращения ей реальности сознания, личности и воли. Но тогда свекровь Нины потеряла бы эти, столь ценимые ею, доставляющие ей так много ярких чувств, сферы отношений. Добровольно с этим богатством она не рассталась бы. Нина была права, утверждая, что, живя вместе со свекровью в ее квартире, она не имела никаких перспектив стать полноценной супругой.

Однако, очень вероятно, что и отделение от свекрови не прибавило бы молодой семье счастья, ибо все супружеские установки мужа Нины в плане реальностей сознания, личности и воли сформировались в тандеме с матерью. В определенном смысле, муж Нины обрел полноту супружества в

^{*} *Синомия* – процедура аретей, заключающаяся во взаимосогласовании виртуальных реальностей разного уровня или фрагментов одной виртуальной реальности (Носов, 2000б, с.37).

отношениях одновременно с двумя женщинами, рядом с которыми тесно протекала его жизнь, – с женой и матерью, образовавшими, так сказать, совместный “виртуал”^{**}. И, утратив возможность отношений с матерью, он также ощущал бы потерю, даже живя с Ниной. Во всяком случае, понадобилось бы весьма много времени и не меньше усилий, чтобы в совместной жизни у каждого из них сложилась их собственная супружеская “собь”, а также собь их семьи как общности.

Правда, был и другой способ приведения всех реальностей Нины в соответствие – отказ от реальности телесности, единственной, которую она еще удерживала за собой, то есть – развод. Но жизнь решила иначе. Потеряв мужа, Нина лишилась той единственной реальности, которая составляла ее близость с мужем, – реальность телесности. Еще больше утратила свекровь, потеряв со смертью сына все другие супружеские реальности, отнятые у Нины, а также и все реальности своего материнства.

После смерти мужа Нина находилась в тяжелом положении, увязнув в своем горе. Переживание смерти близкого человека, печаль по нему – закономерный этап горевания, оплакивания, утраты. Однако со временем он неизбежно должен уступить место другому – этапу планирования будущей жизни, уже без близкого человека. Переход к новому у Нины был осложнен тем, что в одиночку она не могла завершить необходимое превращение – от “соби” супруги к “соби” вдовы: сделать это она могла только вместе со своей свекровью. Ведь мы уже говорили выше, что собь супруги в этой семье была разделена между двумя женщинами. И обе они, утратив свою общую привязанность, вновь попали в отношения взаимозависимости.

Метод

Оказывая Нине психологическую помощь, я видела свою основную задачу в том, чтобы помочь ей преодолеть застревание на утрате, как ни тяжела она была. И хотя терапия с помощью метафоры – не виртуалистский метод, я прибегла к нему, поскольку метафора позволяет создать и трансформировать виртуальную реальность.

Метафора – обобщенный образ реальности, движение образов, наполненное чувствами. В этом смысле она вполне отвечает назначению “фентриела”, или искусственно созданной виртуальной реальности, которую психотерапевт конструирует в целях психологической помощи, при условии, что клиент наполняет эту реальность своим содержанием, чувствами и признает как собственную. Но чтобы выступать в этом качестве, метафора должна создаваться по определенным правилам.

В нашем исследовании образ захлавленной комнаты, вызывающей тягостное чувство безысходности, – эмоциональный образ реальности, в ко-

^{**} Виртуал – “...обобщенное название для виртуальных событий, виртуальной реальности, совокупности виртуальных реальностей, фрагмента виртуальной реальности в противопоставлении соби...” (Носов, 2000б, с.11).

торой пребывает Нина после смерти мужа. По своему происхождению, этот образ-символ принадлежит виртуальной реальности самой Нины: комната – теперешняя ее жизнь как она есть. Однако визуальная представленность жизни в виде комнаты позволяет действовать с возникшим образом и трансформировать его в желаемом направлении. Сам образ комнаты, таким образом, тоже становится виртуальной реальностью.

Термин “аретей” имеет два значения. Согласно первому, это – определенный тип практики, а именно практическая часть виртуальной психологии; согласно второму – собственно практическое воздействие... Образ комнаты также несет двойную нагрузку: это и образ, и реальность самой жизни Нины в момент психотерапии.

И Нина совершенно точно охарактеризовала трудности, с которыми она столкнулась, когда перед ней была поставлена задача – трансформировать этот образ-реальность: “Я не могу это сделать одна”. Совместный виртуал... Одна – нет. Со свекровью – да.

Ключевым моментом в трансформации образа реальности было появление других людей, которые участвуют в данном действии. И лишь с появлением этих персонажей стало возможным перерождение захлавленной комнаты в приятную, комфортную для Нины. Трансформация комнаты – трансформация реальности. Метод метафоры позволил создать “фентриел” и видоизменить его в нужном направлении. В процессе этой трансформации Нина узнала способы воздействия на собственную жизненную ситуацию.

Описывая отношения со свекровью после смерти мужа, Нина заметила: “Нам ведь теперь некого делить”. Нет мужа, нет роли супруги, нет и борьбы за реальности супружества: “Мы стали, как две подружки”.

Социальная роль супруги у Нины сменилась социальной ролью вдовы. Но и вдовой она остается, как прежде в супружеской жизни, не вполне полноценной. Все, что наполняло реальности сознания, личности, воли, не входит в ее супружескую утрату. Все это потеряла свекровь. А одиночество Нины ограничивается только кругом телесных утрат. И как прежде, Нина и свекровь составляют единую собь – теперь уже не супруги, а вдовы. Возник новый совместный виртуал. Реальности вдовы они могут переживать только вместе, врозь – не получается. В такой форме Нина и ее свекровь совершили переход от переживания печали – к новой жизни уже без ушедшего дорогого человека.

Нина и не хочет расставаться со свекровью. Да, вместо прежней аномии, возникла новая – реальностей вдовы, но она уже куда больше устраивала Нину. Теперь уже свекровь больше нуждается в Нине. Нина и ее свекровь даже нашли устраивающий их способ взаимоотношений: совместных вдовьих воспоминаний. Теперь им расставаться незачем.

Сформулируем в заключение некоторые выводы.

Несмотря на то, что в условиях мегаполиса понятие рода утратило свою былую мощь, основу семейного конфликта по-прежнему нередко составляет тот перекося в супружеских отношениях, который несет на себе отпечаток родовых отношений. Особенно ярко это выступает в типичной для России семье с трехпоколенной структурой.

Причина возникновения виртуальных конфликтов в семье – отчуждение и захват реальностей, в совокупности своей представляющих всю полноту супружества, другими ее представителями, например родителями молодоженов. Для типичной российской семьи характерны “совместные виртуалы”, когда ипостась супруги, матери и пр. может быть представлена двумя членами семьи.

Трехпоколенная семья содержит в себе практически все возможные в семье ролевые ипостаси, и соответственно все возможные здесь “соби” – мужа, жены, матери, отца, ребенка, семьи как целостности. Но поскольку она является образчиком рудиментарных родовых отношений, сохранившихся в современных условиях, то составлять эти “соби” могут разные члены семьи, не только подменяя друг друга, но иногда и выбивая друг друга из сферы его самоиндивидуации в семейных отношениях.

Виртуальный конфликт в семье молодых супругов может возникнуть и без вмешательства старших, если один из супругов попытается узурпировать реальности супружества другого, поставив того на уровень ребенка. Впрочем, этот супруг, как правило, имеет опыт жизни в родовой семье со всеми присущими ей законами.

Виртуальный подход к анализу данной ситуации позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Жизнь человека в семье, о ком бы ни шла речь, в идеале должна быть полной и синонимичной. Это предполагает, что роль каждого представлена во всех ее реальностях, и все реальности соответствуют друг другу. Таким образом, утверждается полионтизм ролей и их синонимия.

2. Вступившие в брак мужчина и женщина призваны сформировать каждый свою “соби” как мужа или жены на всех уровнях реальности – телесности, сознания, личности, воли, внутреннего человека. Причиной многих семейных конфликтов становится аномия этих виртуальных реальностей. Данное явление может возникнуть вследствие узурпации реальностей супругов в молодой семье другими ее представителями, чаще старшими, например, кем-то из родителей супругов.

3. В семье могут быть конфликты двух видов: константные и виртуальные. Источник константных конфликтов лежит в той же реальности, что и его проявления, а также средства решения. Источник виртуальных конфликтов – нарушение условий полионтизма и синонимии реальностей супружества, как правило, в виде узурпации этих реальностей кем-либо из членов семьи. Наиболее повреждающим фактором является отчуждение

реальности воли: это становится условием узурпации остальных реальностей: сознания, личности и т.д.

Если психологической помощи специалиста по семейной психотерапии достаточно при решении константного конфликта, то виртуальный конфликт может быть ликвидирован только в результате аретей, или практической виртуалистики, назначение которой – приведение в состояние синонимии всех реальностей супружества, а также восстановление их полионимизма.

4. Несоответствие социальной роли супругов, которой их наделяет вступление в брак, и реальностей телесности, сознания, личности, воли и внутреннего человека может стать причиной аномии реальностей ребенка. Тем самым он будет нести в своей “собой” зародыш будущих конфликтов, которым суждено состояться уже в собственной его семье.

ЛИТЕРАТУРА

- Асадуллина С.Х. Виртуальный подход к анализу психотренинга. Виртуальные реальности. Труды лаборатории виртуалистики. Выпуск 4. Научные труды Центра профориентации. М., 1998, с.14-16.
- Асадуллина С.Х. Виртуальные реальности аретей. Психология в системе наук (междисциплинарные исследования). Ежегодник Российского Психологического Общества. Т.9, выпуск 1. М., 2002, с.165-166.
- Варга А.Я. Системная психотерапия (главы из книги). Журнал практической психологии и психоанализа. 2 июня 2000г.
- Носов Н.А. Виртуальная психология. – М.: "Аграф", 2000а, 432 с.
- Носов Н.А. Словарь виртуальных терминов // Труды лаборатории виртуалистики. Выпуск 7. Труды центра профориентации. – М.: “Путь”, 2000б, 69 с.
- Носов Н.А. Виртуальный конфликт: виртуальная социология медицины. М., “Путь”, 2002, 140 с. (Труды Центра виртуалистики. Вып. 18).

От редактора:

Готовя эту статью к печати, редактор испытал внутреннюю борьбу, где столкнулись «критик» и «благожелатель». «Критик» подчеркивал в статье недостатки, считая иные из них трудно устранимыми. «Благожелатель» старался подчеркнуть достоинства статьи. Рецензент, уже не «внутренний», а вполне реальный, скорее, был солидарен с критиком. Тем не менее, статья опубликована, верх одержал автор, поскольку и достоинства, которыми, несомненно, обладает эта работа, и погрешности, которые в ней нетрудно обнаружить, заслуживают того, чтобы к ним был приобщен и читатель.

Прежде всего, мы публикуем данную статью в память о докторе психологических наук Николае Носове – одном из родоначальников виртуального подхода в психологии, сожалея о том, что в свое время журнал не успел познакомить читателя с яркими, опережающими время идеями, которые развивал Н.А.Носов. Делаем это сейчас, вдогонку упущенному... Признаться, трудно было также устоять перед возможностью пополнить копилку клинических случаев – жанра, который, казалось бы, должен процветать в журнале такого профиля, как МПЖ, а все, по каким-то причинам, не наберет «кондиции». Наконец, любопытным показалось неожиданное совпадение в том понимании потайных пружин внутрисемейного конфликта и механизмов его развития в многопоколенной семье, которое, с одной стороны, давно существует в семейной психотерапии (системная парадигма), а, с другой, дается в статье С.Асадуллиной в русле виртуального подхода.

На этом фоне досадным выглядит типичное заблуждение, которым переболевают многие последователи новых «религий» (читай, научных школ) и которого не избежал и автор публикации. В статье настойчиво утверждается, что стратегии разрешения внутрисемейных (внутриличностных и пр.) проблем, открывшиеся вместе с развитием виртуалистики, категорически недоступны традиционной психотерапии. Увы, это недоразумение. Как ни нова виртуальная психология, но сама идея «множественности онтических виртуальных реальностей», сопутствующих бытию человека, как в норме, так и в патологии, давно и глубоко, хотя и в других терминах, развивается в психотерапии. Открытие того, что симптом являет себя совсем не в той реальности, где он зародился, можно считать поворотной точкой, откуда ведет отсчет вся история психотерапии (в доказательство приведем известный афоризм З.Фрейда, назвавшего симптом памятником давно забытой травмы). Что касается именно системной семейной психотерапии, то там и делать нечего, если ты не готов пуститься в путешествие по сложнейшему лабиринту «виртуальных» внутрисемейных реальностей, нередко наследуемых из поколения в поколение.

А вот представление о том, что два человека, соединившись в браке и создавая «целое» своей семьи, исподволь, вместе и поврозь, начинают трудиться над новой своей супружеской «собью», о с о б о й у мужа и жены, могло бы стать новой страницей в семейной психологии и психотерапии*.

* Любопытную реплику относительно этого понятия мы неожиданно обнаружили у В.В.Бибихина: «Еще Владимиру Далю юридическое, владельческое применение “собственного” было противно как “нерусское”; “собь” для него “самая суть человека”» (М.Хайдеггер. Бытие и время. Примечание переводчика. М., «Фоллио», 2003, с.501).

Как видим, всякое заблуждение обладает позитивной энергией. Мы благодарны автору за то, что он дал нам повод задаться вопросами, вставшими между строк его статьи.